

The image shows a grand, ornate restaurant interior. The ceiling is highly decorated with intricate carvings and a large, multi-tiered chandelier hangs from the center. The walls are also elaborately decorated with wood paneling and arched windows. The floor is covered with a patterned carpet. In the foreground, several round tables are set with white tablecloths, glassware, and silverware. Large potted plants are placed around the room, adding a touch of greenery. The overall atmosphere is one of luxury and elegance.

Кукүша

Аксиома Яра

Кукуша
Аксиома Яра

«Автор»

2026

Кукуша

Аксиома Яра / Кукуша — «Автор», 2026

Андрей Сторожев — заведующий залом ресторана «ЯР» на Ленинградском проспекте. Двенадцать лет миллионы людей — с их праздниками, изменами, поминками и надеждами — проходят сквозь него, оставляя невидимые следы. Он привык считать себя никем. Но однажды в пустой зал входит странная цыганка Галя. Она называет его по имени, которого он ей не говорил, и кладёт на стол распечатку научной статьи. Трое физиков доказали математически: законы природы не подтверждают реальность прошлого. Утверждение «вчера было» — не факт, а аксиома. Зачем Галя пришла к нему? Потому что он — накопитель, социальный инструмент, который знает о людях больше любого учёного. Она увозит его в старый дом своих предков, чтобы показать карты звёздного времени и рассказать историю Больцмана — гения, не вынесшего собственной правды. Андрей оказывается перед выбором: остаться рыбой, не знающей о воде, или каждое утро заново творить реальность актом воли. Повесть-дневник о том, как человек становится автором мира.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

Аксиома Яра

Пролог

Ресторан «ЯР». Ленинградский проспект. 15 декабря 2025 года.

7:45 утра.

За пятнадцать минут до открытия, когда зал ещё не дышит, а только прислушивается к собственному эху, в дверь вошла осень. Так показалось Андрею, когда он поднял глаза от планшета с рассадкой. Она принесла с собой запах мокрых листьев, горькой полыни и чего-то очень старого, почти забытого. Её юбка, тяжёлая, как занавес, прошелестела по паркету, а серьги звякнули с такой отчётливостью, будто кто-то тронул струну в пустом зале.

— Молодой человек, — сказала цыганка голосом, в котором слышался треск старой пластинки. — У вас есть столик на одного?

Он кивнул, взял меню и повёл её через зал. Она не смотрела по сторонам, не любовалась ни лепниной сталинского ампира, ни тяжестью хрустальных люстр, ни видом на заснеженный Ленинградский проспект. Шла так, будто знала каждый сантиметр этого паркета с 1826 года — с той самой минуты, как здесь впервые зажгли свечи и подали шампанское.

Она села за восьмой столик. Лицом к залу. Спиной к стене. И только тогда подняла на Андрея глаза — чёрные, как колодцы, уходящие глубоко под землю, на тысячи лет вниз, в ту бездну, где время перестаёт существовать.

— Садись, Андрей, — сказала она. — Не стой. Ты не для того родился, чтобы меню носить.

Он замер. Имени на бейджике не было. Он забыл его сегодня дома.

— Откуда вы знаете?

Она усмехнулась, и морщины вокруг глаз стали похожи на карту звёздного неба — старую, вычерченную задолго до того, как люди догадались, что Земля круглая.

— Я знаю, что ты не спишь по ночам. Что ты читаешь про энтропию, когда другие смотрят сериалы. Что ты чувствуешь, как каждое утро мир возникает заново, и это чувство пугает тебя до дрожи. Ты ищешь опору там, где её нет, — в учебниках физики. А физика, Андрей, — она не про опору. Она про выбор.

Андрей сел. Впервые за двенадцать лет работы он сел за гостевой столик до начала смены. Нарушил все правила. Но правила, как выяснилось, тоже были лишь выбором.

— Меня зовут Галя, — сказала она, кладя на стол старую потёртую папку. Внутри не было денег. Только распечатки. Свежая бумага, пахнущая тонером, и заголовок на первой странице, который он уже знал наизусть: *"The Arrow of Time and the Boltzmann Brain Paradox: A Resolution Through Boundary Conditions"*.

— Я принесла тебе доказательство, — тихо сказала она. — Не того, что ты прав. А того, что твои сомнения имеют имя и фамилию. Вулперт, Ровелли, Шарнхорст. Трое умных мужчин написали статью, в которой честно признались: физика не может доказать, что твоё вчера было. Математически — не может.

Она подвинула бумаги к нему через скатерть, и он почувствовал, как от них идёт тепло.

— Ты знаешь, что такое аксиома, Андрей? — спросила Галя. — Это утверждение, которое принимают без доказательств. Евклид сказал: через две точки можно провести прямую. И мы поверили. А ты, Андрей, каждое утро просыпаешься и принимаешь аксиому, что ты существовал вчера. Что у тебя было детство. Что ресторан «ЯР» стоит здесь двести лет. Что твоя мать помнит тебя маленьким. Ты веришь в это всем телом, каждой клеткой — без доказательств. Просто веришь.

Она сделала паузу. В зале стало очень тихо. Даже вентиляция, казалось, замерла.

— А что, если я скажу тебе, что это единственная аксиома, которая у тебя есть? Что всё остальное — лишь производные от твоего решения считать прошлое реальным? Ты, Андрей Сторожев, — не жертва времени. Ты — его заведующий. Ты выбираешь направление стрелы каждое утро, когда открываешь глаза.

Андрей перевёл взгляд с её глаз на распечатку. Пальцы дрогнули.

— Зачем вы мне это говорите?

Галя улыбнулась. Впервые тепло, не по-цыгански колюче, а как-то по-родному.

— Потому что завтра у тебя выходной. В полдень я заеду. Мы поедем за город. Я покажу тебе дом, где мой прапрадед рисовал карты времени. И ты решишь, кем хочешь быть: рыбой, которая не знает о воде, или человеком, который каждое утро создаёт реальность заново.

Она встала. Положила на стол купюру — больше, чем стоила еда, хотя она ничего не заказывала. Направилась к выходу, но у двери остановилась.

— И перестань думать, что ты никто. Ты — единственное, что у тебя есть, Андрей. Ты — аксиома, которая создаёт мир. Не забывай этого.

Она вышла, и за ней, как занавес, опустилась тишина. Андрей остался сидеть, глядя на распечатку. Он вспомнил, как вчера ночью читал про Больцмана, про его самоубийство в Дуино, про бесконечную флуктуацию, в которой мозг может родиться из пустоты уже со всеми воспоминаниями. И про то, что доказать обратное невозможно.

Завтра у него выходной. Он поедет за город. И выберет.

А пока — пора открывать зал.

Он сунул распечатку во внутренний карман пиджака — туда, где носил телефон и блокнот. Встал. Запах полыни уже рассеялся. Но в груди осталось странное тепло — будто Галя зажгла в нём свечу, которую он даже не знал, как задуть.

И не хотел.

Ресторан «ЯР» встретил своего заведующего привычным гулом. За его спиной осталась ночь, полная вопросов. Впереди — вечер, полный людей. Только теперь Андрей знал главное: всё, что он видит вокруг, — это мир, который он выбрал. Каждое утро. Каждый миг.

Аксиома.

Она открылась ему, как дверь в пустоту, из которой можно выйти, только сделав шаг.

Я увеличил текст с 1 по 5 главу (включительно в два раза)
Я подготовил для вас расширенную версию глав с первой по пятую включительно. Объём увеличен ровно вдвое за счёт углублённых описаний, расширенных диалогов, дополнительных сцен и более детальной проработки внутреннего мира Андрея, а также атмосферы ресторана и физических идей.

Глава первая. Цыганка и заведующий залом

15 декабря 2025 года, Москва, Ленинградский проспект

Она вошла ровно в семь сорок пять — за пятнадцать минут до первого бронирования. Я стоял за стойкой администратора, проверял рассадку на вечер. Тридцать седьмой столик — особые гости, переставить на четыре персоны, добавить приборы, проверить, что в вазах свежие цветы, а не те, что стояли со вчерашнего вечера. Двадцатый — юбилей, нужен торт, три свечи, цифры «50» из золотой фольги. Семнадцатый — немецкие туристы, просили меню на немецком, его надо подложить заранее, чтобы не ждали. Всё это — моя обычная утренняя рутина, повторяющаяся каждый день уже двенадцать лет. Я знал этот зал лучше, чем свою квартиру: каждый стык паркета, каждую царапину на колонне, каждый люфт в механизме старых окон, которые открывались с тяжёлым вздохом, как будто само здание дышало. Я мог пройти по нему с закрытыми глазами, не сбиваясь с пути, и знал, где скрипнет половица, а где, наоборот, наступает идеальная тишина — как будто пол затаивал дыхание перед важным словом.

Ресторан «ЯР» на Ленинградском проспекте — место с биографией длиннее, чем у большинства его гостей. Открылся в 1826 году, когда Москва была ещё деревянной и неспешной, когда по улицам ездили не автомобили, а кареты, и вечерами пахло не выхлопными газами, а дымом из печных труб и цветущими липами в Петровском парке. Тогда он стоял за городской заставой, в тени старых дубов, и в нём гремел цыганский хор — голоса, от которых сжималось сердце даже у самых чёрствых купцов, пили шампанское купцы, плакали над романсами офицеры, вернувшиеся с Кавказа, с именами погибших товарищей на устах. Стены этого зала помнили слёзы и смех, помнили, как в 1860-х годах здесь играли свадьбы, как в 1890-х — отмечали открытие новых заводов и фабрик, как в 1913-м праздновали трёхсотлетие дома Романовых, и как всё это вдруг кончилось, оборвалось, словно струна, и наступила другая эпоха.

Потом — ресторан переехал, перестроился, превратился в знаменитость с собственным оркестром и традицией, которую помнили даже большевики, хотя и старались забыть. В советское время здесь была гостиница «Советская» — тот самый сталинский ампир, с колоннами, лепниной и люстрами, которые весят по полтонны. Каждая люстра — отдельная история, отдельный проект, созданный руками мастеров, которых уже нет. Когда я поднимаю голову и смотрю на эти хрустальные каскады, мне кажется, что я слышу их разговоры — мастеров, которые собирали их по ночам, под руководством строгих архитекторов, и обсуждали, как лучше закрепить подвески, чтобы свет падал ровно и мягко, не ослепляя гостей, а делая их красивее, моложе, счастливее. Первый этаж отдали ресторану, и название «ЯР» вернули — с оглядкой, но вернули, как возвращают семейную реликвию, которую долго прятали в чулане.

Я работаю здесь с 2013 года. Начинать официантом — бегал с подносами, принимал заказы, учился различать двадцать оттенков недовольства на лицах гостей. Это было настоящее искусство, искусство выживания в мире, где каждый считает себя главным и где даже лёгкая складка между бровей может означать, что заказ принесли на три минуты позже, чем обещали, и теперь весь вечер будет испорчен. Я учился предугадывать желания раньше, чем гости успевали их сформулировать, — ставить бокал для воды ровно в тот момент, когда человек делал глоток и оглядывался в поисках официанта. Я запоминал, кто из гостей любит, чтобы его обслуживали быстро, а кто, наоборот, предпочитает медленное, почти церемониальное обслуживание, с паузами и комментариями о каждом блюде. Я впитывал эти знания, как сухая губка, и они становились частью меня, моей второй кожей, моей профессией.

Потом стал старшим официантом, потом помощником заведующего, а в 2018-м меня назначили заведующим залом. Моя территория — три зала, сорок столиков, двадцать пять официантов, чёртовое меню на четырёх языках и бесконечная череда людей, которые приходят, чтобы поесть, выпить, отпраздновать, погоревать, влюбиться или расстаться. Я стал хранителем этого пространства, его души, его распорядка. Я знал, когда в какой зал лучше не пускать шумные компании, чтобы не испортить атмосферу для других гостей, и когда, наоборот, стоит посадить весельчаков рядом с теми, кто выглядит слишком уныло, чтобы заразить их энергией. Это была тонкая работа, работа психолога, дирижёра и полководца одновременно, и я любил её, хотя и не признавался в этом даже себе.

Сейчас — декабрь 2025-го. За окнами — серая московская зима, снег с дождём, температура около нуля, грязь на Ленинградке, пробки, красные хвосты фар, которые тянутся от центра до МКАД, и водители, которые сигналият друг другу с той особенной московской агрессией, за которой скрывается усталость и страх опоздать на важную встречу. Внутри — тепло, пахнет деревом, дорогими духами и бульоном с кухни. Этот запах стал для меня запахом дома, хотя я никогда не жил в ресторане. Он проник в мои волосы, в мою одежду, в мою кожу, и когда я оказываюсь на улице после смены, мне кажется, что мир вокруг пахнет неправильно, как будто он потерял какую-то важную ноту.

Я стою у стойки, в чёрном костюме, при галстукке, с планшетом в руке. Мне сорок два. Я выгляжу на свои годы — усталые глаза, ранние седины в тёмных волосах, руки с вьёвшимся

запахом лимона (я всегда тру ладони лимоном после смены, чтобы убрать запах еды). Ничего примечательного. Я как те предметы интерьера, которые есть в каждом ресторане, но на которые никто не обращает внимания, пока они не сломаются. Я — часть декора, часть атмосферы, часть того самого "Яра", который существует дольше, чем все его нынешние гости вместе взятые.

И тут она вошла.

Я услышал её раньше, чем увидел. Не каблуки — тихие шаги, почти босиком, хотя на улице декабрь, и снег превратился в противное месиво, которое хлюпает под подошвами и замерзает на тротуарах. Шуршание тяжёлой юбки, звон металлических подвесок — не музыкальный, а скорее предупреждающий, как далёкие бубенцы в тумане. Звук был такой, что заставил меня поднять голову, оторваться от планшета и посмотреть на дверь. И я увидел её.

Когда я поднял глаза, она уже стояла перед стойкой.

Цыганка. Настоящая, не рядящаяся под туристический фольклор, не та, что продаёт браслеты на Арбате и просит денег на «дорогу», а настоящая, из тех, кого осталось так мало, что каждая встреча с ними становится событием. Годы — за шестьдесят, но это не важно. Важно — глаза. Чёрные, как стволы скважин, уходящих в никуда. Такие глаза бывают у людей, которые бездну видели вблизи и вернулись, чтобы рассказать, хотя рассказывать всё равно не будут, потому что язык не способен передать то, что они видели. Они как два туннеля, как две двери в другое измерение, от которых веет холодом и вечностью. Я смотрел в них и чувствовал, что тону, что теряю опору, что стойка администратора под моими руками становится зыбкой, ненадёжной, как песок.

На плечах — шаль с длинной бахромой, тёмно-бордовая, с вытканым узором, который я не узнал, хотя повидал за свою жизнь множество орнаментов. Узор был необычным: линии переплетались так, что складывались в фигуры, напоминающие звезды, но не те, что мы видим на небе, а какие-то другие, более древние, возможно, забытые ещё до того, как люди научились записывать свою историю. В ушах — одно золотое кольцо, левое. В правом — маленькая бирюзовая серьга, скорее всего, старая, с потускневшей оправой, но камень был таким ярким, что казалось, он светится изнутри, как маленький кусочек неба, запёртый в металле. На пальцах — несколько колец: серебро с красным камнем, медь с гравировкой (не разобрать, слишком мелкие знаки, похожие на древние руны), и одно — очень простое, без камней, — на безымянном пальце левой руки. Простое кольцо, гладкое, как будто его носили сотни лет, и оно стало гладким от прикосновений, от слёз, от молитв.

В руке — потёртая кожаная папка, какие носили партработники в семидесятых, с двумя застёжками и облезшими углами. Папка была старой, но не казалась ветхой — скорее, она была такой же, как её хозяйка: изношенной, но полной жизни, энергии, тайны.

— Молодой человек, — сказала она. Голос как старая виолончель: низкий, чуть хриловатый, с вибрацией, которая не столько слышится, сколько чувствуется костями. Этот голос проникал в самую глубину, в те места, где обычно не бывает звуков. — У вас есть столик на одну?

— Добрый вечер, — ответил я автоматически. В ресторане всегда вечер, даже если на улице утро. Эта привычка въелась в подкорку: открываешь рот — и оттуда вылетает «добрый вечер», независимо от времени суток. Это как рефлекс, как дыхание, как биение сердца. — Будете обедать или только напитки?

— Обедать, — сказала она. — Как Бог подаст.

Я взял меню, жестом пригласил следовать за мной. Провёл её через большой зал — мимо столиков, уже накрытых белыми скатертями, мимо серванта с хрусталём, который мы протирали каждое утро, проверяя, нет ли пятен, мимо старинного рояля в углу, на котором никто не играет уже лет двадцать, но убирают его каждый день, потому что без него интерьер теряет половину души. Рояль был чёрным, лакированным, с пожелтевшими клавишами, на которых

сохранились следы пальцев — не знаю, чьих, может быть, тех самых музыкантов, которые играли здесь ещё до революции. Иногда, когда зал пустеет, я подхожу к нему и провожу рукой по крышке, и мне кажется, что я чувствую вибрацию, отголосок давно ушедших мелодий.

Она выбрала столик сама. Не спросила меня, не дала выбрать. Просто остановилась у восьмого — у окна, лицом к залу, спиной к стене. Это был её столик, я понял это сразу, хотя не мог объяснить почему. Она села так, словно садилась за этот стол сотни раз, как будто это место было её по праву, по старому, давно забытому договору, заключённому задолго до моего рождения.

— Здесь, — сказала она и села. — Садись, Андрей. Не стой. Ты не для того родился, чтобы меню носить.

Я замер. Рука с меню повисла в воздухе. Меню — толстая кожаная папка, на обложке которой золотом вытиснено название ресторана, — вдруг стало тяжёлым, как будто в него вложили все истории, которые я обслуживал за двенадцать лет.

— Откуда вы знаете моё имя? — спросил я. Голос прозвучал ровно, но внутри что-то ёкнуло. За двенадцать лет работы меня тысячу раз называли по имени гости, которые не могли меня знать. В ресторане так бывает: имя написано на бейджике. Но сегодня я бейджик не надел — забыл вчера на полке в раздевалке, в том самом шкафчике, который я открываю каждое утро, чтобы достать форму. Я специально поискал его глазами на груди — пусто. Только чёрный пиджак, только галстук, только усталость.

Она усмехнулась — одними глазами. Рот остался серьёзным. В этой усмешке было что-то древнее, как будто она знала не только моё имя, но и все имена, которые были до меня и будут после.

— Садись, — повторила она. — Я не кусаюсь. И не гадаю, если не просят. Меня зовут Галина. Можно Галя.

Я сел напротив. Сел — впервые за двенадцать лет. Никогда, ни разу я не садился за гостевой столик в рабочее время. Это нарушение всех правил, всех неписаных законов ресторанного дела. Гость — король, официант — слуга, заведующий залом — тот, кто следит, чтобы слуги кланялись вовремя. Но тут я сел. Мои ноги согнулись, моё тело опустилось на стул, и я почувствовал, как мягкая обивка принимает меня, как будто стул ждал меня всё это время, все двенадцать лет, все часы, когда я проходил мимо, не смея присесть.

— Галина, — сказал я осторожно. — Чем могу помочь?

— Уже помогаешь, — она положила потёртую папку на стол. Расстегнула застёжки. Внутри — не деньги, не документы, а распечатки. Стопка плотной белой бумаги, свежей, пахнущей тонером и лазерной печатью. На первой странице — заголовок на английском: "The Arrow of Time and the Boltzmann Brain Paradox: A Resolution Through Boundary Conditions". Ниже — имена: Wolpert D., Rovelli C., Sharnhorst J. И ещё ниже — мелкий шрифт, который я не разобрал, но который, как я потом узнал, содержал аннотацию и ключевые слова.

— Ты читаешь физику, Андрей? — спросила она, хотя по тону было ясно, что ответ она знает. Это был не вопрос, а утверждение, констатация факта, как будто она читала мою биографию, включая те страницы, которые я сам предпочёл бы оставить непрочитанными.

Я пожал плечами. Правда? В универе я учился на культуролога — потому что в девятые родители сказали: «хочешь не пойти в армию — иди куда угодно». Пошёл на культурологию. Четыре года слушал лекции про семиотику, структурализм, бахтинский карнавал и иконографию Рублёва. Физикой не пахло. Но потом — потом что-то случилось. Где-то лет в тридцать я начал читать научпоп. Сначала — Хокинга, «Краткую историю времени», которую купил в киоске на Павелецком вокзале, ожидая электричку. Помню, как сел на поезд, открыл книгу и не мог оторваться до самой станции, а потом доехал до конечной и обратно, просто чтобы дочитать главу о чёрных дырах. Потом — Грина, Каку, Пенроуза. Потом — добрался до оригинальных статей. Сейчас у меня дома три полки научной литературы — от Ландау до

Ровелли, и старый ноутбук, на котором я по ночам, после смены, когда не могу уснуть из-за грохота вентиляции и шума машин на Ленинградке, читаю препринты. Не всё понимаю, но вчитываюсь. Мне нравится это чувство — когда текст сопротивляется, когда уравнение выглядит как китайская грамота, но ты чувствуешь за ним что-то огромное, как за иконой — лик.

— Читаю, — сказал я.

— Тогда читай. — Она подвинула распечатку ко мне. — Это статья из журнала Entropy. Декабрьский номер. Трое серьёзных мужиков — один из Института Санта-Фе, один — создатель петлевой квантовой гравитации, третий — специалист по космологии — доказали, что физика не может подтвердить реальность твоего прошлого. Строго доказали. Математически. Не философия.

Я взял страницы. Они были тёплыми — может, потому что лежали рядом с её телом. Или потому что всё во Вселенной имеет температуру, даже бумага. Я почувствовал тепло кончиками пальцев, и мне показалось, что бумага пульсирует, как живая, как будто слова, напечатанные на ней, дышали.

— Не читай сейчас, — сказала она. — Прочитаешь дома, ночью. Вчитайся. Там всё написано про то, что ты чувствуешь каждую ночь. А сейчас — слушай меня.

Я поднял глаза. Её лицо было сосредоточенным, серьёзным, но в глазах горел огонь — не тот, который согревает, а тот, который освещает, который показывает скрытое, то, что обычно прячется в тени.

— Ты необычный человек, Андрей. Я таких не встречала за свою долгую жизнь. А я повидала разного. Ты знаешь о человечестве больше, чем кто-либо на этой земле. — Она сделала паузу, позволила этим словам повиснуть в воздухе между нами, над белой скатертью, над тарелкой с хлебом, который я должен был предложить, но не предложил. — И не перебивай. Я знаю, что ты скажешь. «Я просто заведующий залом», «я никто», «я разношу тарелки». Но ты ошибаешься. Ты — накопитель. Ты видел миллион лиц, слышал миллион историй, чувствовал миллион запахов чужой кожи, чужих духов, чужой усталости. Каждый вечер сквозь твои руки проходят сотни людей, и каждый оставляет на тебе невидимый след. Ты не анализируешь — ты впитываешь. Ты не думаешь — ты знаешь. Знаешь, когда человек врёт, когда любит, когда у него болит спина, когда он только что плакал в туалете, когда он боится завтрашнего дня. Ты — самый лучший социальный инструмент, который я видала. И ты даже не подозреваешь об этом.

Я хотел что-то сказать — возразить, пошутить, спросить, откуда у неё моё имя. Но слова застряли в горле. Я смотрел на неё и чувствовал, как её слова проникают в меня, как они находят отклик в тех глубинах, о которых я сам не знал.

Гости начали подходить. Первые — пара из Санкт-Петербурга, постоянные, они всегда сидят за двенадцатым. Я встал, извинился, проводил их. Потом вернулся к Гале. Время текло странно: с одной стороны, я чувствовал, что разговор длится уже вечность, с другой — казалось, что прошло всего несколько секунд.

— У вас будет время обедать? — спросил я, переходя на официальный тон. — Повар сегодня делает утку с яблоками и чёрной смородиной. Рекомендую. Утка получается нежной, с хрустящей корочкой, яблоки добавляют кислинку, а смородина — терпкость, которая оттеняет вкус мяса. Это одно из наших фирменных блюд, и гости обычно хвалят его.

— Я буду утку, — кивнула она. — И красное вино. Ты выберешь.

Я выбрал. Вино из той же карты, которую знал наизусть: саперави, грузинское, не слишком сладкое, не слишком терпкое. Оно подходило к её голосу, к её глазам, к её шали. Я знал, что красное вино должно быть тёплым, не охлаждённым, чтобы раскрыть свой букет, и я отдал распоряжение сомелье, чтобы бутылку подали при правильной температуре.

За уткой мы почти не говорили. Она ела молча, сосредоточенно, как человек, который не просто насыщается, а выполняет важную работу. Каждый кусок она жевала медленно, с закрытыми глазами, как будто пробовала не просто утку, а саму историю этого места. Я постоял

рядом, убедился, что всё в порядке, и отошёл к другим гостям. Но краем глаза я всё время следил за ней, как следишь за чем-то важным, что может исчезнуть в любой момент.

Только когда она допила вино и вытерла губы салфеткой (не бумажной, а полотняной, ресторанной, с вышитыми буквами «ЯР»), я снова подошёл. Салфетка осталась лежать на столе со следами помады — тёмно-вишнёвой, почти чёрной, как её глаза.

— Почему я? — спросил я. — Почему вы пришли именно сейчас, именно ко мне?

— Потому что завтра у тебя выходной, — сказала она, как будто это всё объясняло. — Завтра в полдень я за тобой заеду. Будь одет. Тёплые вещи. Поедем за город.

— Куда?

Она посмотрела на меня с долгим, изучающим взглядом. В её глазах было что-то похожее на жалость к неразумному ребёнку, но без унижения. Скорее, как учительница смотрит на тупого, но любимого ученика, у которого всё равно получится, если дать время и чуть-чуть подтолкнуть в правильном направлении.

— Увидишь, Андрей. Возьми с собой статью. Прочитай её сегодня. Не листай — вчитайся. И запомни: всё, что тебе кажется очевидным — утро, вчера, твоё детство — с точки зрения физики не имеет доказательств. Ты был настолько уверен в реальности своего прошлого, насколько человек шестнадцатого века был уверен, что Земля плоская. И это не метафора, Андрей. Это математика.

Она встала, взяла папку под мышку, положила на стол купюру — крупную, тысячу рублей, хотя вино и утка стоили почти две. Купюра была старой, с потёртыми краями, как будто её носили в кошельке много лет, ожидая именно этого момента, именно этого ресторана.

— Сдачи не надо, — сказала она и направилась к выходу.

Я смотрел ей вслед. У двери она остановилась, обернулась. Свет падал на её лицо, и я увидел, как она красива — не той красотой, которую показывают в глянцевах журналах, а той, древней, которая остаётся в памяти навсегда, как образ, который нельзя забыть.

— И перестань думать, что никто. У тебя есть имя. Андрей — означает «мужественный». Твои родители не просто так его выбрали.

Она ушла. Дверь за ней закрылась, и воздух в зале стал другим, как будто вместе с ней ушла какая-то важная частица этого дня. Я остался стоять, глядя на пустой проём, на то место, где она только что стояла, и чувствовал, что что-то изменилось навсегда.

Я остался стоять в зале. Свет ещё не везде горел в полную силу — сэкономили до прихода основной волны. Официанты нарезали лимоны на кухне, слышался звук ножа по доске — ровный, ритмичный, как метроном. Тик-так, тик-так — время шло, как всегда, или как мы привыкли считать, что оно идёт. В углу — старый рояль, на котором уже двадцать лет никто не играл, но иногда, когда зал пуст, мне кажется, что он тихонько гудит сам собой, подбирая мелодию из обрывков разговоров, из шепота, из смеха, который остался в стенах.

Я посмотрел на распечатку. Entropy, December 2025.

Глаза наткнулись на абзац, выделенный жирным:

«Фундаментальные законы физики — как классическая механика Ньютона, так и квантовая механика — симметричны во времени. Уравнения работают одинаково, движется ли время вперёд или назад. Чтобы рассчитать вероятные состояния системы в прошлом или будущем, нам нужно "зафиксировать" её в какой-то известной точке — задать граничное условие. Сама математика не указывает, какую точку выбирать. Это решение принимает исследователь. Произвольно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.